

НОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ПАМЯТНИКАХ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ПРИМОРЬЕ

© 2019 г. И.С. Жущиховская^{1,*}, Е.Ю. Никитин^{2,**}

¹Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*E-mail: irina1zh@mail.ru

**E-mail: urgen55@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

После доработки 07.10.2018 г.

Статья представляет результаты исследований новых материалов янковской культуры (X–IX–III–II вв. до н.э.) периода палеометалла Южного Приморья. Впервые для памятников этой культуры выявлено сочетание в одном керамическом комплексе разных гончарных традиций – доминирующей янковской и второй, связанной предположительно с памятниками раннего палеометалла, т.е. временем появления в Приморье первых бронз (рубеж II–I – середина I тыс. до н.э.). Между этими традициями прослеживается определенное сходство временного и регионального характера. Различия касаются ряда технологических и морфологических признаков, отражающих культурную специфику гончарства. Есть свидетельства не только сосуществования, но и синкретизма традиций. Данное явление, отмеченное на памятниках северной части Уссурийского залива, носит локальный характер и, вероятно, указывает на контакты между носителями разных культур периода палеометалла на юге Дальнего Востока.

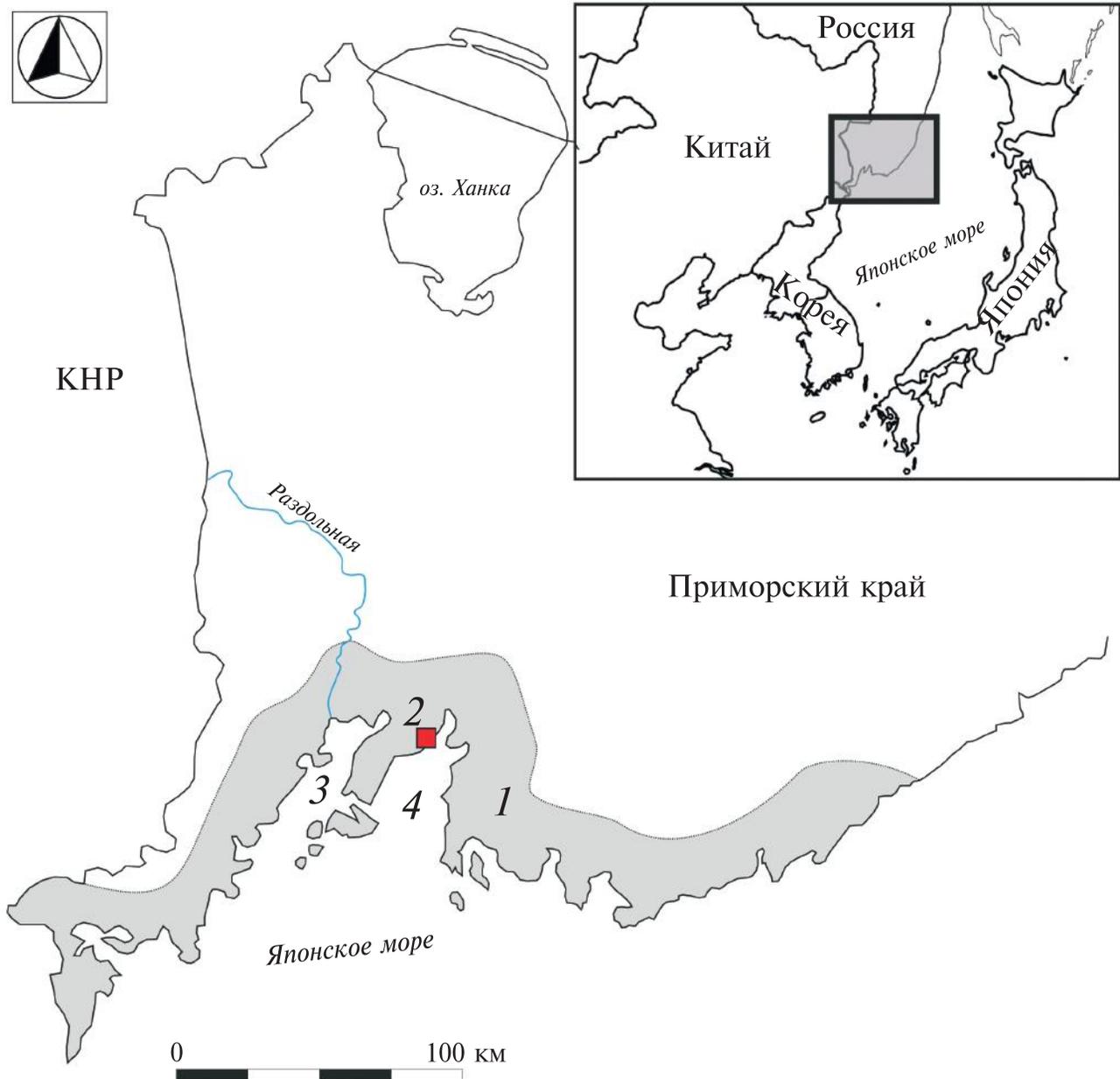
Ключевые слова: керамика, технология, морфология, гончарная традиция, Южное Приморье, период палеометалла.

DOI: 10.31857/S086960630004831-3

Одним из актуальных направлений исследований археологической керамики как культурно-исторического источника является распознавание и интерпретация случаев варьирования гончарных традиций в рамках одной культуры, группы памятников или одного поселения. Ведущая роль в этом отводится выявлению и анализу тех признаков технологии, морфологии и декора древней керамики, которые в значительной степени обусловлены культурной спецификой производственных процессов гончарства (Бобринский, 1978; Gosselain, 1992; Цетлин, 2010; Мыльникова, 2014; Васильева, 2015). В настоящей статье проблема вычленения разных гончарных традиций в общем археологическом и культурном контексте ставится на материалах янковской культуры периода палеометалла юга Дальнего Востока. До недавнего времени эта культура и прежде всего ее керамический

комплекс рассматривались как целостное явление, характеризующееся совокупностью достаточно устойчивых признаков. Новые материалы позволяют внести коррективы в эти представления.

Хронология янковской культуры определяется сегодня по серии радиоуглеродных дат в интервале X–IX–III–II вв. до н.э. Локализация памятников связана преимущественно с прибрежной зоной шириной до 25 км в юго-западном, южном и юго-восточном Приморье (рис. 1). Отметим, что ареал янковской культуры изучен неравномерно. Основной массив материалов происходит из памятников западного побережья Амурского залива и памятников, расположенных в речных долинах к северу от Уссурийского залива. Это долговременные поселения с остатками жилищ (Песчаный 1, Чапаево, Малая Подушечка, Майхэ 1) и поселения лагерного типа без остатков

Рис. 1. Карта района исследований. 1 – основной ареал янковской культуры, 2 – памятник Черепакха 7, 3 – Амурский залив, 4 – Уссурийский залив.

Fig. 1. Map of the investigation area and the Cherepakha 7 site (2)

жилищ (Славянка 1). На территории некоторых поселений имеются могильники. Тип хозяйства реконструируется как комплексный, включающий присваивающие и производящие отрасли. Своеобразным маркером многих янковских памятников являются так называемые раковинные кучи, содержащие пищевые отходы в виде раковин моллюсков и костей животных (Окладников 1963; Андреева и др., 1986).

Исследователи отмечают устойчивость морфологического и функционального ассортимента инвентаря янковской культуры, представленного каменными, костяными, керамическими, металлическими артефактами. Присутствие на памятниках незначительного числа железных изделий при доминирующей роли каменных шлифованных орудий является особенностью культуры. Самая массовая категория артефактов – керамическая

посуда. Достаточно выдержанный набор признаков технологии изготовления, морфологии и декора керамики интерпретируется как один из важнейших индикаторов культурного единства. Вместе с тем в рамках базовых традиций гончарства, характерных для культуры в целом, выявлены признаки, специфические для определенных памятников и районов. В свое время это послужило основанием выделения локально-хронологических вариантов янковской культуры (Андреева и др., 1986).

Последнее десятилетие отмечено новым всплеском интереса к изучению памятников янковской культуры. Основными районами исследований стали побережье Уссурийского залива и о. Русский на границе Амурского и Уссурийского заливов. Памятники, раскопанные полностью или частично, и отдельные местонахождения дали материалы по различным аспектам культуры (Попов, Лазин, 2011; Жушиховская и др., 2013; Лутаенко, Артемьева, 2017; Сергусева, Морева, 2017).

Настоящая статья посвящена новым материалам из памятников в районе Уссурийского залива. Объектом исследования является керамическая коллекция слоя янковской культуры памятника Черепаха 7, раскопанного в 2015 г. Акцентируется внимание на определенной группе керамической посуды, которая связана со стратиграфическим контекстом янковской культуры, однако по совокупности технологических и морфологических признаков показывает существенные отличия от янковской гончарной традиции. Сосуществование в керамическом комплексе компонентов, представляющих предположительно разные культурные традиции, зафиксировано для памятников янковской культуры впервые. Задачами статьи являются характеристика новой для янковских памятников группы посуды и обоснование ее культурного своеобразия.

Материалы исследования. Поселение Черепаха 7 (рис. 1) входит в группу археологических местонахождений Черепаха 1–13 близ оз. Черепашье на северо-западном побережье Уссурийского залива, недалеко от устья р. Артемовка. На памятниках выявлены культурные остатки разного времени – от финального неолита до этнографического периода. Наиболее мощные культурные пласты относятся к янковской культуре периода палеометалла (Никитин, 2016; Малков, 2017).

Поселение Черепаха 7 расположено на морской террасе высотой 1.5–2.5 м. Площадь

памятника по результатам раскопок составила около 1800 м². Одновременно с раскопками Черепахи 7 проводились работы на примыкающем с юго-запада памятнике Черепаха 13. Эти памятники, разделенные древним водотоком, представляют разные зоны одного крупного поселения. Оба показывают сходную ситуацию по составу культурных остатков. Эпоха первобытности представлена материалами неолита (зайсановская культура), периода бронзы, янковской культуры, кроуновской культуры палеометалла, польцевской культуры развитого железного века. Более поздние материалы относятся к средневековой культуре чжурчжэней Приморья и культуре корейских переселенцев конца XIX–XX в. На Черепахе 7 все материалы, за исключением относящихся к янковской культуре, выявлены в переотложенном состоянии.

Слой янковской культуры представлен заполнением 18 котлованов жилищ и большинства из 46 ям различного назначения. Площадь котлованов варьирует от 17–18 до 40–42 м², глубина – 0.4–0.8 м. Для большинства котлованов характерна хорошая сохранность заполнения, представляющего собой темно-серую супесь со щебнем в верхней части и серо-коричневую супесь в нижней части. В нижней части заполнения жилищ 9 и 12 обнаружены горелые остатки каркасно-столбовой конструкции. В жилищах 1, 2, 7, 16 верхние уровни заполнения представляли собой древние свалки, содержащие небольшие раковинные кучи, выбросы золы, скопления костей рыб и животных, фрагментированные артефакты. Для 10 жилищ по пробам угля получены 14 радиоуглеродных дат в общем интервале 2830±90–2150±80 л.н.¹ Основная группа дат укладывается в интервал 2530±100–2215±35 л.н. В целом, датировки согласуются с сегодняшними представлениями о хронологии янковской культуры и позволяют предполагать достаточно длительное существование данного поселения.

Коллекция артефактов, относящихся к слою янковской культуры, включает изделия из камня, кости, керамики и металла (железо). Керамические изделия представлены бытовой посудой и пряслицами. К комплексу

¹ Датировки выполнены в Лаборатории геоморфологических и палеогеографических исследований полярных регионов и Мирового океана Института наук о Земле СПбГУ и в Лаборатории геохимии и геохронологии Токийского университета.

Рис. 2. Керамический сосуд “черной серии”, Черепакха 7.
Fig. 2. A ceramic vessel of the ‘black series’, the Cherepakha 7 site

посуды, происходящей из заполнений жилищ, относятся более 70 тыс. фрагментов и несколько десятков сосудов полной или частичной сохранности. Основная масса материала по признакам технологии, морфологии и декора показывает несомненную принадлежность к гончарной традиции янковской культуры. На этом фоне выделяется группа керамики, имеющая определенное внешнее своеобразие. Она включает 2 археологически целых сосуда и около 500 фрагментов верхних и нижних частей сосудов, стенок с диагностирующими признаками. Хорошая сохранность материала позволяет получить достаточно полную информацию о морфологии и технико-технологических особенностях керамических изделий. Отметим два наиболее примечательных внешних признака данной группы. Первый — темно-серый или черный цвет излома и поверхностей, отличный от обычной керамики янковской культуры, окрашенной в основном в тона “теплой” гаммы — желтые, оранжевые, красноватые, бурые. По этому признаку керамическая группа получила условное название “черная серия”, которое далее используется в статье. Вторым признаком — морфологическое единообразие. Эта группа, за редким исключением, представлена

небольшими сосудами со слабо выделенной горловиной, покатыми плечиками, округлым туловом и узким дном. В зоне перехода горловины в плечики расположен узкий налепной валик (рис. 2).

Результаты исследования. Этот раздел статьи систематизирует данные, полученные в процессе исследования керамики “черной серии” памятника Черепакха 7: технико-технологические и морфологические характеристики, особенности распределения в культурном слое.

Рецептура формовочных масс. Анализ формовочной массы керамики проводился с помощью бинокулярного изучения свежих изломов и аншлифов (пришлифованных участков изломов). Исследование свежих изломов позволяет предварительно дифференцировать материал по текстурным особенностям формовочной массы. Изучение аншлифов дает более детальную информацию о размерах, количестве и распределении неорганических и органических включений, пустот (пор) в массе керамического черепа.

Керамика “черной серии” достаточно однородна по характеристикам формовочной массы. Большинство образцов имеют тонкую текстуру, без крупных минеральных включений и следов органических примесей (рис. 3, 1). В составе массы выделяются тонкодисперсная глинистая основа и непластичные (неглинистые) минеральные включения, размер которых варьирует от сотых долей до 1–1.2 мм, без резких текстурных разрывов. Общий объем включений составляет около 50–60% от объема массы. Доля включений размером 0.5–1.2 мм составляет около 10–15% в объеме массы. Предварительно можно диагностировать зерна кварца, полевого шпата, породные обломки (гранитоиды?). Контуры зерен не имеют отчетливо выраженных признаков дробления. Распределение непластичных включений в формовочной массе достаточно равномерное. Поры очень мелкие, их общий объем в массе незначителен. Эти характеристики с большой долей вероятности указывают на то, что исходное глинистое сырье, содержащее непластичные включения кварц-полевошпатового состава, проходило тщательную очистку, сортировку и промешивание для получения гомогенной пластичной массы. Очевидные признаки введения искусственных добавок не прослеживаются.

Часть образцов, составляющая примерно 10–15% фрагментарного материала, имеет более

грубую текстуру (рис. 3, 2). Размер непластичных включений варьирует от мельчайших до 2–2.5 мм, их общий объем — около 50–60% от объема массы. При этом доля включений размером 1–2.5 мм составляет 5–10%, в редких случаях больше. По общему составу, характеру распределения и контуру зерен эти образцы очень близки образцам с тонкой текстурой массы. Нельзя сказать определенно, являлись ли включения размером 1–2.5 мм искусственной добавкой либо естественной примесью в глине. Очевидных признаков их искусственного происхождения не отмечено. Необходимы дальнейшие исследования с помощью петрографической микроскопии, позволяющей дать точную диагностику минералогического состава.

Технология формовки. Следы конструирования сосудов в виде горизонтальных стыковочных “швов” диагностируются в отдельных случаях в основном на внешней поверхности стенок. Расстояние между “швами” — 2.5–3 см, что может указывать на использование в качестве конструктивных элементов жгутов или очень узких лент. На некоторых образцах, представляющих собой разломы по саям, хорошо видны соединительные скосы шириной 0.5–1 см. Можно предположить, что в процессе формовки жгуты уплощались в ленты и соединялись между собой. В пользу этого свидетельствует характерная “ямочная” неровность стенок, заметная под слоем обмазки и являющаяся результатом прессования жгутов пальцами. Горизонтальная ориентация “швов” свидетельствует о том, что жгут или лента замыкались в кольцо. Толщина стенок варьирует в пределах 0.3–0.6 см, преобладающие значения — 0.4–0.5 см. Образцы толщиной более 0.6 см редки. Следов выбивки в виде регулярных уплощенных участков или вмятин на поверхности нет. Также нет следов использования для формовки шаблонов.

Горловина оформлялась легким сужением стенок в приустьевой зоне и плавным отгибом наружу их верхнего участка, образывавшего венчик. Венчик изящный, с чуть утонченным краем, в некоторых случаях имеет едва заметный бортик снаружи. У единичных фрагментов изделий без горловины, типа чаши, гладкий венчик слегка ориентирован внутрь.

Морфологические признаки донных частей специфичны. Преобладают донья диаметром 3–5 см. Редкие экземпляры имеют диаметр до 7 см. Внешняя сторона дна представляет

Рис. 3. Аншлифы керамики “черной серии” с тонкой текстурой (1) и грубой текстурой (2), Черепаха 7.

Fig. 3. The polished sections of ‘black series’ pottery with a fine texture (1) and a rough texture (2), the Cherepakha 7 site

собой плоскую окружность с правильным контуром, подчеркнутым чуть заметным бортиком-ободком. Часто бортик по окружности сочетается с легкой вогнутостью поверхности (рис. 4). Эксперимент показал, что эти признаки появляются в результате выравнивания наружной стороны дна концентрическими равномерными движениями большого пальца. Для внутреннего контура донной части характерна плавная, скругленная линия соединения со стенками. Толщина доньев — 0.4–0.8 см. Отмечены три вариации соотношения толщины дна и стенок тулова: толщина одинаковая, дно заметно толще стенки, дно заметно тоньше стенки. Интересен экземпляр нижней части сосуда из жилища 2: стенки и дно образуют конический контур со слабо выраженным уплощением. Заметны следы того, что снаружи была подлеплена пластичная масса (рис. 5). По выявленным признакам можно предположить, что донный участок у сосудов “черной серии” моделировался уже после того, как было сформована округлая емкость тулова. Небольшие размеры сосудов позволяли формировать их на руках

Рис. 4. Донья сосудов “черной серии”, Черепакха 7.

Fig. 4. Bottoms of ‘black series’ pottery, the Cherepakha 7 site

“в один прием”, легко производить различные манипуляции. Моделировать узкие доньшки было удобно в положении “дном вверх”, используя дополнительные объемы пластичной массы в виде лепешки или небольшого комка. Для более точной реконструкции технологических особенностей оформления доньев необходимы дальнейшие исследования.

Как отмечено выше, обязательной морфологической и, вероятно, декоративной деталью сосудов с горловиной является наклепной валик в зоне перехода плечиков в горловину или в верхней части плечиков. Валики оформлялись из узкого жгутика глинистой массы, который крепился прямо на стенку сосуда перед нанесением обмазки. Ширина валиков составляет в основном 0.3–0.5 см. Валики разнообразны по контуру профиля — с отчетливо выраженным ребром, уплощенные, округлые, “размазанные” без четких границ, но всегда с низким, слабо выраженным рельефом. В двух случаях встречен валик с несомкнутыми концами — на целом сосуде и фрагменте верхней части. Концы валика закреплены на стенке параллельно друг другу (рис. 2). Из-за фрагментарного характера материала невозможно судить, насколько характерна эта интересная особенность для керамики “черной серии”. Отметим, что в нескольких случаях встречены фрагменты стенок с двумя горизонтальными, близко расположенными друг к другу валиками.

Приемы обработки поверхности. Технология обработки поверхности помимо выравнивания

после формовки включала прием обмазывания глинисто-водным раствором с последующим лощением. Слой обмазки, покрывающей внешнюю и внутреннюю поверхности, тонкий, но имеет, как правило, хорошее сцепление с черепом. Это свидетельство того, что гончарами соблюдался необходимый баланс подсушки стенок глиняного изделия перед нанесением обмазки. При нарушении этого баланса слой обмазки в процессе дальнейшей сушки и обжига теряет прочность, образует трещины, может отваливаться. Лощение отмечено для большинства образцов “черной серии” на внешней поверхности изделий и частично на внутренней. Следы лощения диагностируются в виде узких полос со слабым блеском и нечеткими границами. Направление лощения в зоне горловины горизонтальное, на стенках тулова от плечиков до дна — слегка наклонное или вертикальное. Иногда зона горловины не обрабатывалась лощением.

Технология обжига. Некоторые суждения о технологических особенностях и качестве обжига получены по результатам применения методов сканирующей электронной микроскопии в сочетании с рентгеновской дифракцией (SEM/XRF)², повторного обжига, определения показателя водопоглощения.

² SEM/XRF-анализ керамики выполнен в Лаборатории электронной микроскопии и оптических исследований Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета.

Исследование свежих изломов керамики (9 шт.) методом SEM/XRF выявило разные варианты микроструктуры по признакам термических трансформаций глинистых минералов: 1 – микроструктура без признаков термических трансформаций, 2 – микроструктура с признаками “склеивания”, или спекания (*sintering*) глинистых частиц, 3 – микроструктура с признаками начальной витрификации (*vitriification*) (рис. 6). Последний вариант отмечен у двух образцов. Согласно методике электронной микроскопии глин и древней керамики, температура “склеивания”, или спекания, глинистых частиц составляет 750–800 °С. Начало процесса витрификации у легкоплавких глин с низким содержанием окиси кальция (CaO) соотносится с температурами обжига около 850 °С для окислительного режима (Tite, 1992). Анализ XRF, устанавливающий химический элементный состав, выявил незначительное содержание CaO в пробах керамики “черной серии”. Данная особенность химического состава – низкое содержание окиси кальция – характерна как для глинистого сырья, так и для археологической керамики Приморья (Жушиховская, 2017).

Керамика “черной серии”, судя по окраске излома и поверхностей, была результатом технологии дымления. Она заключается в преднамеренном создании, обычно на заключительном этапе обжига, атмосферы с высоким содержанием мельчайших частиц твердого углерода, осаждающихся в стенках керамического изделия – сначала в поверхностных слоях, затем в глубине черепа. Интенсивность темной окраски при дымлении зависит от времени выдержки изделий в соответствующей атмосфере. Кратковременный повторный обжиг керамики черного цвета при температуре 500 °С с доступом кислорода удаляет углерод из пор черепа, вследствие чего темная окраска меняется на светлую. Это указывает на использование технологии дымления (Shepard, 1985. P. 88–90, 220). У многих образцов “черной серии” излом имеет более насыщенный темный цвет, чем поверхность. Вероятно, это можно объяснить осветлением окраски поверхности под воздействием открытого пламени в процессе функционирования посуды, либо в результате пожара, и т.п.

Практический смысл дымления состоит в том, что углерод, осаждаясь в порах черепка и закрывая их, уменьшает способность керамики впитывать жидкость (Августиник, 1956).

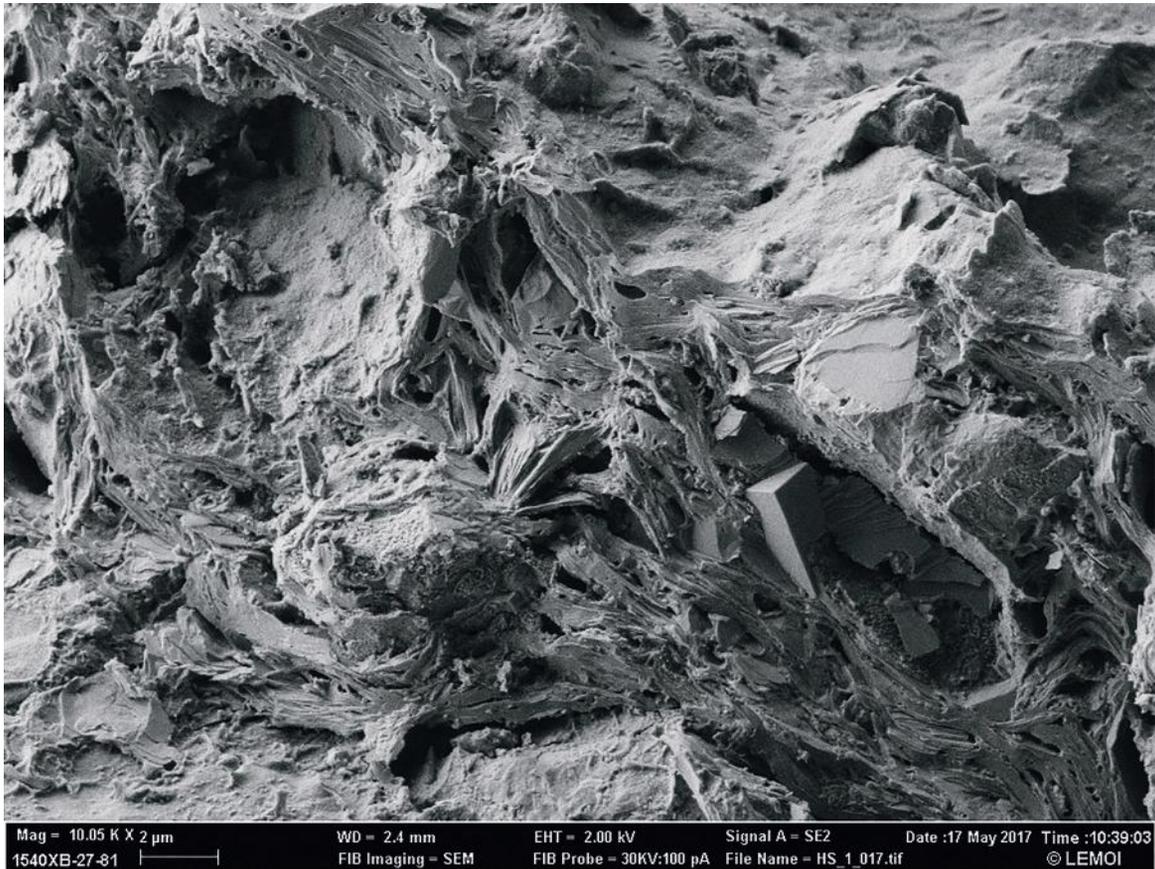

Рис. 5. Нижняя часть сосуда “черной серии”, Черепакха 7.
Fig. 5. The lower part of a ‘black series’ vessel, the Cherepakha 7 site

Для 22 образцов измерен показатель водопоглощения. Он варьирует в интервале 6.3–12%, в среднем составляя 9.5%. Большинство значений не превышают 10%, что соответствует керамическому черепу хорошего качества с низким и средним водопоглощением (Shepard, 1985. P. 127–130). Очевидно, такой результат обусловлен оптимальным сочетанием температурного и атмосферного режимов.

С учетом того, что обжиг в среде, насыщенной углеродом, снижает температурный порог начала витрификации как минимум на 50 °С (Tite, 1992), основной температурный интервал обжига керамики “черной серии” составлял, как полагаем, 700–800 °С. Можно говорить о вероятности использования теплотехнических устройств, более эффективных, чем открытый костер.

Целые формы и серия крупных фрагментов сосудов позволяют сделать заключения о морфологии изделий. Контур стенок и пропорции сосудов с горловиной, которыми представлена “черная серия”, достаточно стандартны. Характерной чертой является преобладание максимального диаметра над высотой, что обуславливает некоторую приземистость формы.

Рис. 6. Микроструктура образца керамики “черной серии” с признаками начальной витрификации, Черепакха 7.
Fig. 6. Microstructure of a ‘black series’ ceramics sample with signs of initial vitrification, the Cherepakha 7 site

Отношение высоты к максимальному диаметру составляет 0.7–0.9. Другими особенностями морфологии являются широкое устье и узкое дно. Отношение диаметра устья к максимальному диаметру тулова составляет 0.8–0.9. Отношение диаметра дна к максимальному диаметру тулова равно 0.2–0.3. В контуре стенок отсутствуют углы, ребра, четкие грани. Граница между горловиной и туловом не обозначена структурно, ее можно лишь условно определить по линии максимального сужения приустьевом участке стенок.

Диаметр устья сосудов варьирует в пределах 11–17 см, составляя в основном 11–14 см. Максимальный диаметр тулова составляет 13–19 см. Исходя из индексов пропорций, можно заключить, что высота изделий составляла в среднем от 10 до 18 см. Фрагменты сосудов более крупного размера единичны в коллекции “черной серии”. На функциональное назначение сосудов указывают частые случаи наличия следов карбонизированного вещества на внутренней поверхности тулова и горловины.

Исследование методом XRF двух образцов с “нагаром” показало высокую концентрацию в его составе фосфора (P), что свидетельствует об органической природе данного вещества.

Распределение керамики “черной серии” в культурном слое памятника имеет следующие особенности. Во-первых, рассматриваемая керамика присутствует в большинстве жилищ памятника, хотя степень концентрации ее различна — от нескольких фрагментов до нескольких десятков. Найдена она и в некоторых ямах на межжилищном пространстве. Во-вторых, керамика “черной серии” встречается в заполнениях котлованов жилищ, начиная с уровня бортиков до пола. Основная концентрация ее во всех жилищах связана с верхней частью заполнения, т.е. с темно-серой супесью со щебнем. Такую же тенденцию распределения по глубине залегания показывает и керамика янковской культуры, представленная массовыми сериями в каждом из жилищ.

В-третьих, как подчеркивалось выше, керамика “черной серии” из заполнений

котлованов, имеет хорошую сохранность. По этому признаку она принципиально отличается от керамического материала неолитического времени и материала, отнесенного условно к лидовской гончарной традиции “эпохи бронзы”. Эти немногочисленные коллекции состоят исключительно из мелких фрагментов, что хорошо согласуется с переотложенным характером материалов. Добавим, что керамика неолита и лидовской традиции концентрировалась в основном в дерново-пахотном слое и в верхних пластах заполнения котлованов, в отдельных ямах.

Обсуждение результатов. Задачей этого раздела является соотнесение гончарной традиции, представленной керамикой “черной серии”, с признаками гончарства янковской культуры палеометалла Приморья и, в частности, памятника Черепаха 7. Керамическая посуда этой культуры отличается морфологическим и функциональным разнообразием (Андреева и др., 1986. С. 19–148).

Технология формовочных масс “черной серии” и янковской культуры основана на использовании глинистого сырья с непластичными минеральными включениями, имеющими искусственное либо естественное происхождение. Эта рецептура характерна для древнего гончарства юга Дальнего Востока в широком хронологическом диапазоне (Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 58–68; Жушиховская, 2004. С. 83–93). Существенное различие формовочных масс “черной серии” и янковской керамики прослеживается по признаку текстуры. На памятниках янковской культуры заметно преобладает керамика, формовочная масса которой содержит до 25–30% минеральной примеси со среднезернистой и крупнозернистой текстурой, размерные ранги которой составляют 0.5–1.5, 1–2 мм. Лишь небольшая часть керамики – как правило, столовая или “парадная” посуда – изготовлена из формовочной массы с относительно тонкой текстурой. Подобная ситуация выявлена и для памятника Черепаха 7. В керамическом ансамбле янковской культуры доминируют фрагменты и целые изделия с довольно грубой текстурой формовочной массы, содержащей большое количество минеральных зерен размером 1.5–3 мм. На фоне янковского материала “черная серия” выделяется тонкой и относительно плотной текстурой черепа. Чтобы выяснить, в какой степени отмеченные различия определяются

характером сырья, а в какой мере отражают разные технологические стандарты подготовки формовочных масс, необходимо получить информацию о минералогическом составе керамики “черной серии” и янковского комплекса памятника и установить вероятные сырьевые источники.

Формовка сосудов “черной серии” и посуды янковской культуры производилась кольцевым налепом. Это общий технологический признак гончарства многих культур юга Дальнего Востока (Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 58–68; Жушиховская, 2004. С. 93–102). Различия касаются конструктивных элементов. В гончарстве янковской культуры использовались ленты шириной от 3 до 5–6 см в зависимости от величины сосуда. Для керамики “черной серии” можно предполагать конструирование из жгутов. Отмечается различие и по толщине стенок: для керамики янковской культуры она варьирует от 0.4 до 1 см, в среднем составляя 0.5–0.8 см, тогда как керамика “черной серии” более тонкостенная. Надо учитывать, что толщина стенок зависит не только от технологии формовки, но и от текстуры формовочной массы.

Значительные различия в технологии формовки касаются донной и устьевой частей глиняных емкостей. Донья сосудов янковской культуры плоские, без ободка и вогнутости на внешней стороне, иногда с небольшой “закрайной” снаружи. По внутренней линии соединения дна и стенок делалась дополнительная примазка глины для укрепления этой зоны. Диаметры доньев варьируют от 5 до 14 см в зависимости от величины сосудов. Средние значения – 6–10 см. Отношение диаметра дна к максимальному диаметру для сосудов разных типов составляет 0.4–0.6. В отличие от сосудов “черной серии” янковская керамическая посуда имела достаточно широкие устойчивые донья.

Отогнутые наружу венчики янковских сосудов с горловиной, которые могут быть в общем плане сопоставлены с отогнутыми венчиками “черной серии”, оформлялись при помощи дополнительной узкой ленты или жгута, которые присоединялись снаружи к краю устья. Это позволяло укрепить и утолстить венчик, сделать его достаточно широким. Тонкие в профиле, изящные венчики, отличающие керамику “черной серии”, не характерны для сосудов янковской культуры.

Рис. 7. “Кухонный” сосуд янковской культуры, Черепакха 7.

Fig. 7. A ‘kitchen’ vessel of the Yankovskaya culture, the Cherepakha 7 site

Особого внимания заслуживает сравнение приемов оформления рельефных валиков, хотя и не связанных непосредственно с конструированием сосудов, но являющихся результатом пластической трансформации глинистой массы. Налепной валик, обязательный для керамики “черной серии”, служил одним из декоративных элементов посуды янковской культуры, но не имел ведущего значения. Сравнение “черной серии” и янковской керамики Черепакхи 7 по этому признаку показывает существенные различия навыков работы гончаров с данной пластической деталью. Во-первых, в отличие от “черной серии” на янковской керамике валики крепились поверх предварительно проведенного по стенке желобка. Возможно, это делалось для более прочной сцепки валика со стенкой и соблюдения симметрии при креплении пластичного жгута-валика. Во-вторых, на янковской керамике валики часто массивные, с высоким рельефом в противоположность слабо выраженным валикам “черной серии”. В-третьих, для янковской керамики характерны пояса из нескольких валиков, от двух до пяти, и лишь в редких случаях встречается одиночный валик.

Сравнение приемов обработки поверхности показывает различие по признаку направления лощения. Если для “черной серии” доминирует вертикальное или косое направление лощения стенок тулова, то янковские сосуды обрабатывались лощением, как правило, в горизонтальном направлении. Полосы от лощения на янковской керамике более широкие и короткие. Эти различия, как представляется, обусловлены в значительной степени особенностями психомоторных навыков гончаров. Ряд технологических операций в гончарстве тесно связан с психомоторной функцией, природа которой лежит в области физиологии и подсознания. Признаки, связанные с психомоторикой, очень важны для диагностики культурной специфики гончарных традиций (Gosselain, 1992; David, Kramer, 2001).

Характеристики обжига сосудов “черной серии” и посуды янковской культуры отражают сходные технические условия заключительной операции гончарного цикла. Это относится прежде всего к температурному интервалу. В гончарстве янковской культуры, для которой известны остатки примитивных печей,

Рис. 8. Сосуды с признаками синкретизма гончарных традиций, Черепакха 7.
Fig. 8. Vessels with signs of syncretism of pottery traditions, the Cherepakha 7 site

он составлял 700–800 °С (Жушиховская 2017). Это аналогично температурам, установленным для “черной серии”. Керамика “черной серии”, как и изделия янковских гончаров, могла обжигаться в печных устройствах простейшего типа.

Вместе с тем очевидны различия технологического плана, касающиеся атмосферного режима обжига. Керамика “черной серии” свидетельствует об устойчивом и целенаправленном использовании технологии “дымления”, тогда как в гончарстве янковской культуры этот прием обжига практиковался эпизодически. В этой связи обратим внимание на различия в качестве обожженных изделий, определяемых показателем водопоглощения. Для янковской керамики, в частности из памятника Черепакха 7, этот показатель варьирует в пределах 9–20%, что заметно выше по сравнению с показателем “черной серии”. Керамика янковской культуры, обжигавшаяся обычно в окислительном режиме, во многих случаях имеет более пористый, водопроницаемый череп и в этом смысле уступает по качеству сосудам “черной серии”.

Отмеченной выше особенностью “черной серии” является то, что она представляет, по сути, один морфологический и функциональный тип посуды. Сосуды использовались для термообработки органических продуктов. В ассортименте посуды янковской культуры также присутствуют емкости, которые можно связать кухонной функцией, — относительно небольших размеров горшки, часто со следами “нагара” на стенках. Однако по внешним признакам они отличны от сосудов “черной серии”. Так, характерным признаком янковских кухонных горшков является орнаментальный поясок из горизонтальных борозд или желобков в верхней части плечиков (рис. 7).

Гончарная традиция, соотносимая с керамикой “черной серии” из Черепакхи 7, имеет некоторые черты сходства с гончарной традицией янковской культуры палеометалла Приморья. Это сходство отражает в первую очередь общие региональные и временные тенденции в развитии древнего гончарства юга Дальнего Востока. Признаки различий гончарных традиций прослеживаются для каждой из ступеней производственного цикла и свидетельствуют о разных культурных

стандартах определенных технологических операций и приемов. Стратиграфическая ситуация позволяет предполагать, что керамические изделия “черной серии” были включены во временной контекст янковской культуры на данном поселении.

Особый интерес представляют вероятные свидетельства синкретизма разных гончарных традиций. Так, сосуд из жилища 2 показывает сочетание утолщенного венчика янковского типа и узкого дна, характерного для “черной серии”. Поясок из трех параллельных валиков в зоне плечиков дополняется одиночным уплощенным валиком в средней части тулова. Лощение стенок тулова выполнено в вертикальном направлении, как на сосудах “черной серии” (рис. 8, 1). Сосуд из жилища 17 по пропорциям нижней части и интенсивно-темной окраске аналогичен изделиям “черной серии”, но при этом контур горловины с четкой линией перехода в плечики, а также орнамент из трех горизонтальных желобков указывают на гончарные стандарты янковской культуры (рис. 8, 2). В жилище 9 обнаружены два крупных сосуда с хорошо выделенной горловиной, шейкой, выпуклыми плечиками и объемным туловом. Эти морфологические признаки, как и геометрический орнамент на тулове, типичны для керамики янковской культуры. Необычной чертой является очень узкая донная часть – вероятное заимствование из другой гончарной традиции.

Гончарная традиция, представленная “черной серией” в совокупности ее признаков, не находит прямых аналогий в известных керамических комплексах региона исследований. Вместе с тем параллели некоторым ее чертам обнаруживаются в памятниках, относимых к раннему палеометаллу, когда на рубеже II–I – первой половине I тыс. до н.э. на юге Дальнего Востока появляются первые бронзовые изделия. Так, налепной валик с несомкнутыми концами известен как элемент декора керамики памятника Харинская Падь в западном Приморье (Дьяков, 1989. С. 208). Тенденция моделирования горловины с плавной линией перехода в плечики, без структурно выделенной шейки, является общей для керамической посуды Харинской Пади и комплексов бронзы из многослойных памятников Чернятино 2, Новогордеевское поселение (Дьяков, 1989. С. 116, 117; Никитин, 1999). На Новогордеевском встречаются также донья со слабо намеченным ободком по внешней

окружности. Технологические и морфологические характеристики, а также стратиграфический контекст “черной серии” позволяют дифференцировать его от присутствующего на Черепаше 7 в переотложенном состоянии материала лидовской культуры, относимой ко времени появления на Дальнем Востоке первых бронз (Дьяков, 1989).

Присутствие в керамическом комплексе янковской культуры компонента, получившего условное название “черная серия” и представляющего особую гончарную традицию, рассматривается пока как локальное явление, связанное с памятниками северной части Уссурийского залива. Помимо Черепаше 7 подобная ситуация отмечена нами по материалам поселения Теляковского 2 на северо-западном берегу залива (Артемьева, 2015). На памятниках янковской культуры Амурского залива и юго-восточного побережья Уссурийского залива керамика, которая может быть ассоциирована с “черной серией”, не встречается.

Керамика “черной серии” по отдельным признакам сближается с материалами ряда памятников бронзы западного и центрального Приморья. Керамические комплексы этих памятников показывают лабильность по сочетанию признаков технологии, морфологии и декора, не представляя культурного единства. Существующая сегодня археологическая систематизация памятников бронзы Приморья носит очень приблизительный характер. Поэтому пока можно наметить лишь общее направление культурных связей керамики “черной серии”. В свете предположения о присутствии на янковских памятниках северной части Уссурийского залива материальных следов, ведущих к комплексам бронзы Приморья, отметим находку бронзовой дисковидной пуговицы на поселении Теляковского 2 (Артемьева, 2015. С. 115). Такие изделия ранее не встречались на памятниках янковской культуры, однако они известны на некоторых памятниках бронзы Приморья, например на поселении Синий Гай (Бродянский, 2013).

В целом, по результатам проведенного исследования может быть предложена рабочая гипотеза, интерпретирующая керамические комплексы типа Черепаше 7 как свидетельство контактов разных культур, существовавших на территории Приморья в период появления здесь первых металлов – бронзы и железа. Проверка этой гипотезы является задачей дальнейших исследований.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августиник А.И.* К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 149–156.
- Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А.* Янковская культура М.: Наука, 1986. 214 с.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях на памятнике Теляковского 2 в Шкотовском районе Приморского края в 2015 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2015. Ф. 1. Оп. 2. № 812.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 271 с.
- Бродянский Д.Л.* Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье. Владивосток: ДФУ, 2013. 206 с.
- Васильева И.Н.* О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.
- Гребенщиков А.В., Дервянко А.П.* Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск ИАЭТ СО РАН, 2001. 118 с.
- Дьяков В.И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: ДГУ, 1989. 239 с.
- Жущиховская И.С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 311 с.
- Жущиховская И.С.* Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 75–91.
- Жущиховская И.С., Артемяева Н.Г., Коровник М., Никитин Ю.Г.* Керамические комплексы памятников янковской культуры восточного побережья Уссурийского залива // Тихоокеанская археология. Вып. 27. Владивосток: ДФУ, 2013. С. 81–116.
- Лутаенко К.А., Артемяева Н.Г.* Моллюски из раковинной кучи памятника Теляковского 2 в южном Приморье (янковская археологическая культура), их палеоэкология и роль в палеоэкономике // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2017. Т. 21, № 1-2. С. 61–128.
- Малков С.С.* Структура многокомпонентного поселения Черепеха 13 в Приморье (к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 78–80.
- Мыльникова Л.Н.* Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Никитин Ю.Г.* Археологические исследования в Октябрьском районе Приморского края в 1998 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. 1999. Ф. 1. Оп. 2. № 406.
- Никитин Е.Ю.* Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях на объекте археологического наследия Черепеха-7 (Приморский край, Артемовский ГО) // Архив ИА РАН. № 50605.
- Окладников А.П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 112). 355 с.
- Попов А.Н., Лазин Б.В.* Археологические исследования на острове Русском во Владивостоке в 2010–2011 гг. // Тихоокеанская археология. Вып. 21. Владивосток: ДГУ, 2011. С. 118–126.
- Сергушева Е.А., Морева О.Л.* Земледелие в Южном Приморье в I тыс. до н.э.: карпологические материалы поселения Черепеха-13 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. 4 (39), С. 194–205.
- Цетлин Ю.Б.* Фундаментальные проблемы изучения гончарства. Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 229–244.
- David N., Kramer C.* Ethnoarchaeology in Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 476 p.
- Gosselain O.* Technology and Style: Potters and Pottery Among Bafia of Cameroon // Man 1992. V. 27, № 3. P. 559–586.
- Shepard A.O.* Ceramics for the Archaeologist. Washington, D.C.: Carnegie Inst. 1985. 414 p.
- Tite M.S.* The Impact of Electron Microscopy on Ceramics Studies // Proceedings of the British Academy. 1992. V. 77. P. 111–131.

NEW POTTERY TRADITION OF THE YANKOVSKAYA CULTURE SITES OF THE PALEOMETAL AGE IN PRIMORYE

Irina S. Zhushchikhovskaya^{1, *}, Evgeny Yu. Nikitin^{2, **}

¹*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*

²*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia*

*E-mail: irina1zh@mail.ru

**E-mail: urgen55@yandex.ru

The article presents the results of studying the Yankovskaya culture materials (10th-9th-3rd-2nd centuries BC) of the Paleometal Age in the Southern Primorye. For the first time for the sites of this culture, a combination of different pottery traditions in the same ceramic complex – the dominant Yankovskaya and the second, presumably connected with the sites of the Early Paleometal, i.e. the period when the first bronze appeared in Primorye (the turn of the 2nd and 1st – the middle of the 1st millennium BC). A certain similarity in terms of chronological and regional attribution can be traced for these traditions. The differences relate to a number of technological and morphological features that reflect the cultural specifics of pottery. There is evidence not only of coexistence, but also syncretism of traditions. This phenomenon noted in the sites of the northern part of the Ussuri Bay, is local in nature and probably indicates contacts between carriers of different cultures of the Paleometal Age in the south of the Far East.

Keywords: ceramics, technology, morphology, pottery tradition, Southern Primorye, the Paleometal Age.

REFERENCES

- Andreyeva Zh.V., Zhushchikhovskaya I.S., Kononenko N.A., 1986. Yankovskaya kul'tura [The Yankovskaya culture]. Moscow: Nauka. 214 p.
- Artem'yeva N.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na pamyatnike Telyakovskogo 2 v Shkotovskom rayone Primorskogo kraya v 2015 g. [Report on the archaeological investigations at the site Telyakovskogo 2 in Shkotovo district of Primorsky Territory in 2015]. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [The Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the RAS]*, 2015, F. 1, Op. 2, № 812. (Unpublished)
- Avgustinik A.I., 1956. To the methodology of studying ancient ceramics. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 64, pp. 149–156. (In Russ.)
- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 271 p.
- Brodyanskiy D.L., 2013. Siniy Gay. Poseleniya neolita i bronzovogo veka v Primor'ye [Siniy Gay. The Neolithic and Bronze Age settlements in Primorye]. Vladivostok: DFU. 206 p.
- D'yakov V.I., 1989. Primor'ye v epokhu bronzy [Primorye in the Bronze Age]. Vladivostok: DGU. 239 p.
- David N., Kramer C., 2001. Ethnoarchaeology in Action. Cambridge: Cambridge Univ. press. 476 p.
- Gosselain O., 1992. Technology and Style: Potters and Pottery Among Bafia of Cameroon. *Man*, vol. 27, no. 3, pp. 559–586.
- Grebenshchikov A.V., Derevyanko A.P., 2001. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya [Pottery of the ancient tribes of the Amur region]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 118 p.
- Lutayenko K.A., Artem'yeva N.G., 2017. Mollusks from the shell-midden of the Telyakovskogo 2 site in the southern Primorye (The Yankovskaya archaeological culture), their paleoecology and role in paleoeconomy. *Byulleten' Dal'nevostochnogo malakologicheskogo obshchestva [Bulletin of the Russian Far East Malacological Society]*, vol. 21, no. 1-2, pp. 61–128. (In Russ.)
- Malkov S.S., 2017. The structure of the multicomponent settlement Cherepakha-13 in Primorye (to the issue of human settlement of the Peter the Great Bay littoral in antiquity and in the Middle Ages). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]*, 1, pp. 78–80. (In Russ.)
- Myl'nikova L.N., 2014. Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoy zony Zapadnoy Sibiri: dialog kul'tur: avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk [Pottery of the transition period from the Bronze Age to the Iron Age of the forest-steppe zone of Western Siberia: a dialogue of cultures: the

- author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 38 p.
- Nikitin E.Yu.* Otchet ob okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na ob"yekte arkheologicheskogo naslediya Cherepakha-7 (Primorskiy kray, Artemovskiy GO) [Report on preservation and salvage archaeological investigations in the archaeological heritage site of Cherepakha-7 (Primorsky Territory, Artyom urban district)]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2016, № 50605. (Unpublished)
- Nikitin Yu.G.* Archaeological investigations in Oktyabrsky district of Primorsky Territory in 1998. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the RAS]*, 1999, F. 1, Op. 2, № 406. (Unpublished)
- Okladnikov A.P.*, 1963. Drevneye poseleniye na poluostrove Peschanom u Vladivostoka [An ancient settlement on the Peschany peninsula near Vladivostok]. Moscow: Izd. AN SSSR. 355 p. (MIA, 112).
- Popov A.N., Lazin B.V.*, 2011. Archaeological research on Russky Island in Vladivostok in 2010–2011. *Tikhookeanskaya arkheologiya [Pacific archaeology]*, 21. Vladivostok: DGU, pp. 118–126. (In Russ.)
- Sergusheva E.A., Moreva O.L.*, 2017. Agriculture in Southern Primorye in the 1st millennium BC: carpological materials of the Cherepakha-13 settlement. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 4 (39), pp. 194–205. (In Russ.)
- Shepard A.O.*, 1985. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, D.C.: Carnegie Instit. 414 p.
- Tite M.S.*, 1992. The Impact of Electron Microscopy on Ceramics Studies. *Proceedings of the British Academy*, 77, pp. 111–131.
- Tsetlin Yu.B.*, 2010. Fundamental issues in the study of pottery. *Drevneye goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery: results and prospects of study]*. Moscow: IA RAN, pp. 229–244. (In Russ.)
- Vasil'yeva I.N.*, 2015. Raw materials for the most ancient Neolithic ceramics and their distribution areas in the Volga region. *Sovremennyye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii [Recent approaches to ancient ceramics in archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 16–23. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya I.S.*, 2004. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Studies in the history of the ancient pottery of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka. 311 p.
- Zhushchikhovskaya I.S.*, 2017. Experience of using electron microscopy in the study of archaeological ceramics from the south of the Far East. *Zapiski IIMK RAN [Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the RAS]*, 16, pp. 75–91. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya I.S., Artem'yeva N.G., Korovnik M., Nikitin Yu.G.*, 2013. Ceramic complexes of the Yankovskaya culture sites of the eastern coast of the Ussuri gulf. *Tikhookeanskaya arkheologiya [Pacific archaeology]*, 27. Vladivostok: DFU, pp. 81–116. (In Russ.)